

ИЗБУШКА НА КОСТАХ

КСЕНИЯ ВЛАСОВА

фэнтези

МИОС

Red Violet. Темные миры

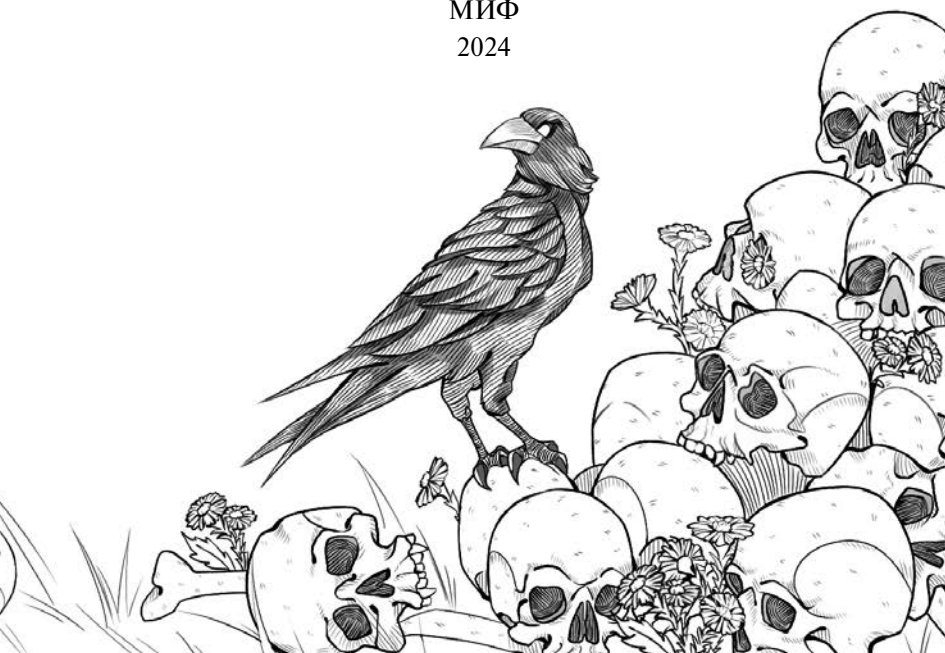
КСЕНИЯ ВЛАСОВА

ИЗБУШКА НА КОСТАХ

Москва

МИФ

2024

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13
В58

Власова, Ксения

В58 Избушка на костях / Ксения Власова. — Москва : МИФ, 2024. — 390 с. — (Red Violet. Темные миры).

ISBN 978-5-00214-279-8

Ты пришла в избушку на костях за ответами. Ты еще не знаешь, что тьма бежит за тобой по пятам. Пока не ведаешь, что в мрачном лесу все не то, чем кажется. Тебе невдомек, что костяные стены таят в себе кровавые секреты прошлого и грядущего, а их хозяйка Яга сплетает нити судьбы в путеводный клубок.

И ты, конечно, не догадываешься, что день моей смерти станет началом твоей жизни...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос)6-445.13

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00214-279-8

© Ксения Власова, 2024
© Оформление. ООО «Манн,
Иванов и Фербер», 2024

Маме,
с любовью.

Я не всегда понимала и принимала
те жертвы, на которые ты шла
ради меня, но я искренне благодарна
за каждую вещь, что ты сделала
для моего будущего.

Твоя любовь освещала мне путь
даже в кромешной темноте

Вет и тень — половинки одного
целого. И нет ничего сильнее их
желания стать едиными, хотя бы
и в руках человека.

Пролог

Я знал, что день нашей встречи станет началом моего конца. Каждый час, проведенный с тобой, лишь приближал меня к той черте, за которой нет ничего — только пустота и тьма. И все же, впервые увидев тебя, там, на берегу реки, я сделал решительный шаг навстречу. Меня тянуло к тебе с пугающей силой. Эта сила обожгла огнем легкие, так что дыхание сбилось. Все потеряло смысл, чтобы через мгновение засиять новыми, еще более яркими красками.

Настанет день, и я сгорю в твоём огне, исчезну, не оставив даже пепла. Но до этого мига я буду рядом. Я хочу держать тебя за руку, смотреть в твои глаза, считать биение твоего сердца, отчаянно рвущегося из груди. Я хочу всей кожей ощущать теплоту твоего дыхания, когда ты склоняешься к моему уху, чтобы прошептать какую-то дерзость. Я хочу слышать твой смех, пугающий птиц на сосновых ветках, разносящийся по густому лесу и оседающий где-то в безоблачной синеве неба.

Я буду рядом, когда ты, подхватив юбки сарафана, решишь перейти измельчавшую после засухи реку. Ее холодные воды будут обжигать твои босые ноги, заставляя

шагать быстрее. Я протяну ладонь, чтобы ты ухватилась за нее, когда поскользнешься на гладкой гальке с острыми, обточенными быстрым течением краями.

Я буду рядом, когда ты измажешь губы сладкой земляникой, собранной на полянке за околицей деревни. Я дотронусь до твоего лица и осторожно уберу красный сок, чтобы позже, украдкой, облизать пальцы, еще хранящие тепло твоих губ.

Я буду рядом, когда ты заплутаешь в овраге, покрытом молодой жгучей крапивой, и сорвешь голос, попытаешь докричаться до подружек с лукошками грибов.

Слезы, смех, отчаяние, злость — я все разделю с тобой.

До того момента, пока однажды ты не поймешь, что мое время закончилось.

День моей смерти станет началом твоей жизни.

В день, когда умерла мама, я встретила его. Тогда я не знала, сколько обжигающей, как раскаленное олово, боли принесет наша встреча. Не догадывалась о том клейме, что останется на душе. Но даже если бы знала, не стала бы ничего менять. Да и не смогла бы. Есть вещи неотвратимые, как солнцеворот.

Матушка, расчесывая мои волосы тяжелым деревянным гребнем, часто говорила, что где-то далеко, за синим горизонтом, и где-то очень близко, буквально на груди за нательной рубашкой, есть то, что понять сложно. А можно лишь принять.

Ее мелодичный голос, похожий на журчание воды в чистом ручье, мягкие руки, пахнущие травами — горечью полыни, холодом мяты, сладостью ромашки,

пряностью душицы и чабреца, — нежные, ласковые, как теплый летний ветер, ее касания, когда она вплетала в мою темную косу красную ленту... Все это осталось в памяти отражением в беспокойной воде: за рябью едва угадывались предметы. Смутные образы, далекий шепот прошлого, пахнувшая травами темнота.

Но кое-что сохранилось. Куколка из дерева, размером с указательный палец. Перед тем как испустить последний вздох, мама позвала меня к себе — к печи, на которой она, даваясь кашлем, лежала последнюю седмицу.

— Возьми, — тихо сказала матушка. В ее ладони покоилась деревянная куколка. — Носи рядом с сердцем, под рубашкой. Никому не показывай. Береги куколку как зеницу ока, а она сбережет тебя. Раз уж я не смогу...

Кашель — громкий, отчаянный, выворачивающий нутро наизнанку — заставил меня испуганно отпрянуть, а затем заплакать и потянуться к матушке. На ее бледном, покрывшемся испариной лице не было румянца. Ярким пятном выделялись лишь огромные глаза — зеленые, как у меня. Цвет листвы, как говорила матушка. Цвет колдовства — шепотом вторили в деревне.

— Мама, — позвала я, прижавшись к ее плечу, и, не получив ответа, окликнула уже громче: — Мама, матушка!

Тогда дыхание смерти впервые коснулось меня. Мимолетно, лениво, ведь она пришла не за мной. Мне почудился шум крыльев, в приоткрытую дверь залетел ветерок, бросил в лицо горстку листьев и исчез, унося с собой душу мамы.

Боль вгрызлась в сердце, как голодная собака в кость. Перед глазами все поплыло, я рухнула на пол, едва не налетев спиной на лавку у стола. Плохо помню, что было

дальше. Вроде вышла во двор, кликнула отца, но вместо него показалась соседка. Наверное, она все поняла по моему лицу, потому что всплеснула руками и что-то крикнула. Я не услышала ни слова: мир звучал глухо, как бывает, когда с разбега прыгаешь в озеро и оказываешься под водой. Меня затопило то же ощущение потерянности и беспомощности: куда двигаться, в какую сторону грести? Что-то внутри меня, до этого лишь разгорающееся, полыхнуло, потребовало выхода, и я вдруг сорвалась с места.

Бежать, пока не начну задыхаться. Бежать, пока ноги еще могут с силой отбивать шаги, словно удары. Бежать, пока ветер не иссушит слезы. Бежать, бежать, бежать!

Я очнулась у реки. Матушка любила это место. На левом берегу она часто собирала травы — от кашля, от ломоты, от дурного сна. На правом стирала одежду. А еще часто бродила между тонкими березами, негромко напевая. И песнь ее напоминала беседу с природой — с деревом, с птицей, свившей гнездо, с промелькнувшим в кустах зайцем. У кустов я, зацепившись подолом за торчавший корень, и упала. Распласталась по земле, ударила лицом, расцарапала щеку. Но напугало меня другое — легкий треск в районе груди. Там, где под рубашкой покоилась деревянная куколка, подаренная матушкой.

Я, замерев от ужаса, подрагивающей рукой нащупала толстую бечевку, а уже после — подвязанную к ней куколку. Та не раскололась, но чуть треснула. Подтянув колени к груди, я обхватила их и принялась беззвучно выть. Ни один крик не смог бы выплеснуть ту боль, что сейчас, как лютой зверь, терзала меня.

